

АЛЬМАНАХ

АЛЬМАНАХ

ВСЕМИРНОГО

ОСТРОУМИЯ № 2

Альманах

**Альманах всемирного
остроумия № 2**

«Остеон-Групп»

1897

Альманах

Альманах всемирного остроумия № 2 / Альманах — «Остеон-Групп» , 1897

Мы продолжаем публикацию остроумных международных исторических анекдотов середины 19 века. Забавные, остроумные, правдоподобные и не очень истории из жизни царственных особ могут не только развеселить, но и послужить иллюстрацией к историческому материалу той эпохи.

Содержание

Петр Великий	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Альманах всемирного остроумия

Сост. М. Г. Кривошлык

*"О Петре ведайте, что жизнь ему не дорога – жила бы Россия в
счастьи и благоденствии"*

Приказ Петра Велик. перед Полт. Битвой).

*...Думается, что подрастающему поколению не бесполезно будет
ознакомиться с некоторыми чертами из жизни великих людей нашего
дорогого Отечества. Подчас исторический анекдот дает верное и более
ясное понятие о характере человека, чем обширное жизнеописание. Быть
может, молодые читатели не без удовольствия прочтут эту книжку.*

М. Кривошлык

Петр Великий

Царь Федор Алексеевич, сын Алексея Михайловича, умирая бездетным, не назначил себе наследника. Старший по нем брат Иоанн был слаб и физически, и умственно. Оставалось, как того желал и народ, "быть на царстве Петру Алексеевичу", сыну от второй жены Алексея Михайловича. Но властью завладела сестра Иоанна, царевна Софья Алексеевна, а десятилетний Петр, несмотря на то, что был венчан вместе с братом Иоанном и назывался царем, был царем опальным. О воспитании его не заботились, и он был всецело предоставлен самому себе; но, будучи одарен всеми дарами природы, он сам нашел себе воспитателя и друга в лице женеvского уроженца, Франца Лефорта.

Чтобы выучиться арифметике, геометрии, фортификации и артиллерии, Петр отыскал себе учителя, голландца Тиммермана. Прежние московские царевичи не получали научного образования, Петр – первым обратился за наукою к западным иностранцам. Заговор против его жизни не удался, Софья была принуждена удалиться в Новодевичий монастырь, и 12 сентября 1689 г. началось правление Петра, когда ему 17 лет. Здесь нельзя перечислить все славные деяния и реформы Петра, давшие ему прозвание Великого; скажем только, что он преобразовал и воспитал Россию по образцу западных государств и первый дал толчок к тому, чтобы она стала в настоящее время могущественною державою. В своих тяжелых трудах и заботах о своем государстве Петр не щадил себя и своего здоровья. Ему обязана своим возникновением наша столица Петербург, заложенная в 1703 году, 16 мая, на острове Луст-Эйланде, отнятом у шведов. Петр Великий был основателем русского военного флота и регулярной армии. Он скончался в Петербурге 28 января 1725 г.

* * *

У купца Сорокина родился сын; Петр Великий пожелал быть кумом. Назначен был день и час крестить, но приглашенный поп не явился. Петр велел позвать другого священника, а неявившегося велел Меньшикову позвать в воскресенье к царю.

Поп очень струсил.

- Пропал, матка, – сказал он жене.
- А то-то, поменьше бы бражничал!
- Да я думал, что Сорокин врет, что царь будет кумом.
- Ну, да что будет, то будет! А надо идти.
- Еще бы!

В воскресенье поп явился к царю.

- Ты отчего не явился к Сорокину крестить ребенка? – сказал царь грозно. – А?
- Занят был.

– Врешь! – вскричал Петр громовым голосом. – Пьянствовал! Меньшиков, отправить его в Соловки! Напиши об этом патриарху!

Поп упал на колени.

- Ваше Величество, помилуйте: жена, дети!
- А! Помилуйте – жена, дети – то-то!

Ну, слушай: ступай домой и в следующее воскресенье приди и отгадай мне три загадки: сколько верст от земли до неба? Чего я стою? Что думаю? Марш! Не отгадаешь – помилованья не будет, отгадаешь – прощу!

В воскресенье поп Семен явился во дворец. Прежде надо сказать, что священник обращался ко всем знакомым, чтобы разгадали загадки, но никто не отгадал. Наконец, поп обратился к своему брату, дьякону Каллистрату. Тот подумал немного и сказал:

- Послушай, брат, когда тебе идти к царю?.
- В воскресенье, сегодня.
- В какой рясе ты был у царя?
- В новой голубой, атласной.
- Давай ее! – Поп достал, дьякон надел ее.
- Что ты делаешь?

– Иду к царю вместо тебя. Ты знаешь, что мы похожи друг на друга. Он примет меня за тебя. И дьякон отправился. Является к царю, который, по случаю праздничного дня, был окружен всеми придворными.

- А! – сказал Петр. – Отгадал?
- Точно так, Ваше Величество.
- Ну, сколько верст от земли до неба?
- 240.000 миллионов верст.
- Врешь!
- Никак нет, велите проверить.
- Ну, хорошо. Велю. А чего я стою?
- 29 сребреников.
- Так мало!?

– Больше не стойте, Ваше Величество. Спаситель, Царь небесный, был продан за 30 сребреников, а вы, царь земной, одним сребреником менее.

– Верно, – сказал Петр, смеясь. – А что я думаю, того не отгадаешь.

– Нет, отгадаю. Вы думаете, что я поп Семен, а я дьякон Каллистрат, его родной брат.

– Ну, молодец Каллистратушка! Напишите владыке, что я прошу его сейчас же посвятить Каллистрата во священники и назначить в дворцовую церковь!

* * *

Несколько стрельцов и два офицера их, Циклер и Соковнин, составили заговор с целью убить Петра I. Для исполнения своего замысла они сговорились зажечь два смежных дома в Москве, и, как государь являлся на всякий пожар, то решено было убить его в это время.

Назначили день. В определенное время все заговорщики собрались в доме Соковнина. Но два стрельца-заговорщика, почувствовав боязнь и угрызения совести, отправились в Преображенское где обыкновенно жил Петр Великий, и открыли государю заговор, который намеревались исполнить в тот же день в полночь.

Петр Великий велел задержать доносителей и тотчас же написал записку к капитану Преображенского полка, Липунову, в которой приказал ему тайно собрать всю свою роту, в 11 часов ночи окружить дом Соковнина и захватить всех, кого он найдет там. Вечером государь, воображая, что назначил капитану в 10 часов, сам в 11-ом часу в одноколке, с одним только денщиком, поехал к дому Соковнина, куда и прибыл в половине одиннадцатого. С неустрашимостью вошел он в комнату, где сидели заговорщики, и сказал им, что, проезжая мимо и увидев в окнах свет, он подумал, что у хозяина гости, и решился зайти, выпить чего-нибудь с ними. Он сидел уже довольно долго, внутренне досадуя на капитана, который не исполнил его повеления.

Наконец, император услышал, что один стрелец сказал на ухо Соковнину: " Не пора ли, брат?". Соковнин, не желая, чтоб государь узнал о их заговоре, отвечал: "Нет, еще рано!". Едва произнес он эти слова, как Петр вскочил со стула, и, ударив Соковнина кулаком в лицо, так что тот упал, воскликнул: "Если тебе не пора еще, мошенник, так мне пора! Возьмите, вяжите их!". В эту самую минуту, ровно в 11 часов, капитан Липунов вошел со своею ротою. Государь, в первом гневе, ударил капитана в лицо, упрекая его, что он не пришел в назначенный час. Когда же Липунов представил записку его, государь сознался в своей ошибке, поцеловал капитана в лоб, назвал его честным и исправным офицером и отдал ему под стражу связанных заговорщиков.

* * *

После Полтавской победы Петр I пригласил однажды пленных офицеров к своему столу и, при питии за здравие, сказал: " Пью за здравие моих учителей в военном искусстве! " Шведский фельдмаршал Рейншильд спросил при этом, кого он удостоивает таким названием. – "Вас, господа". – " В таком случае Ваше Величество очень неблагодарны, поступив так дурно со своими учителями". Государю так понравился этот ответ, что он немедленно велел возвратить Рейншильду его шпагу.

* * *

Во время Шведской войны, в Петербурге, для большей осторожности, зимою через Неву ставились рогатки с Выборгской к Московской стороне.

Они охранялись часовыми, которым было приказано после вечерней зари не пропускать никого ни в Петербург, ни из Петербурга. Однажды Петр Великий был в театре, находившемся на Литейной, недалеко от дома кумы, генеральши Настасьи Васильевны Бобрищевой-Пушкиной. Она тоже была в театре и просила государя приехать к ней после представления на вечеринку, на что он и согласился. После спектакля Петр незаметно вышел из театра и с одним денщиком, в маленьких санях, заехал со стороны Охты к упомянутой куме. Подъехав к часовому, стоявшему близ Литейного двора с Московской стороны, и назвавшись петербургским купцом, запоздавшим на Охте, просил его пропустить.

– Не велено пропускать, – отвечал часовой. – Поезжай назад!

Государь предлагает ему рубль и, все прибавляя по стольку же, доходит до десяти рублей. Часовой, видя его упорство, сказал:

– Вижу, что ты человек добрый; так, пожалуйста, поезжай назад; буде же еще станешь упорствовать, то я или принужден буду тебя застрелить, или, выстрелив из ружья, дать знать гауптвахте, и тебя возьмут под караул, как шпиона.

Тогда государь поехал к часовому, стоявшему с Выборгской стороны, и снова, сказавшись купцом, просил пропустить. Этот часовой пропустил его за два рубля. Пробираясь по Неве к дому Бобрищевой-Пушкиной, государь попал в полынью и был едва выхвачен из нее денщиком, а лошадь сама выпрыгнула на лед. Петр приехал к куме весь мокрый. Увидя его в таком виде и услышав, что случилось, все присутствующие пришли в ужас.

– И зачем, батюшка, – пеняла государю хозяйка, – самому тебе так трудиться? Разве не мог ты послать для осмотра караулов кого-нибудь другого?

– Когда часовые могут изменять, то кто же лучше испытать-то может, как не я сам? – отвечал Петр.

На другой день состоялся приказ по полку: часового-изменника повесить, и, провертя два взятые им за пропуск рубля, навязать их ему на шею, а другого часового произвести в капралы и пожаловать десятью рублями, предложенными ему накануне.

* * *

Кум и денщик Петра Великого, Афанасий Данилович Татищев, неисполнением какого-то приказания сильно прогневал государя. Он велел наказать его за это батошьем перед окнами своего дворца. Офицер, которому поручено было исполнение экзекуции, приготовил барабанщиков, и виновный должен был сам явиться к ним. Но Татищев медлил идти и думал, авось гнев государя пройдет. Поэтому он тихонько пошел вокруг дворца. На дороге ему встретился писарь Его Величества, некто Замятин. У Татищева мелькнула блестящая мысль – поставить вместо себя Замятина.

– Куда ты запропастился? – сказал он ему. – Государь тебя уже несколько раз спрашивал и страшно на тебя гневается. Мне велено тебя сыскать. Пойдем скорее! – И повел его к барабанщикам.

В это время государь взглянул в окно и, сказав:

– Раздевайте! – отошел прочь.

Татищев, будто исполняя повеление государя, закричал солдатам, указывая на Замятина:

– Что ж вы стали? Принимайтесь!

Беднягу раздели, положили и начали исполнять приказание, а Татищев спрятался за угол.

Скоро Петру стало жаль Татищева. Выглянув из окна, он закричал:

– Полно! – и поехал в Адмиралтейство.

А проказник между тем отправился к Екатерине. Государыня выразила ему свое сожаление по поводу наказания и сказала:

– Как ты дерзок! Забываешь исполнять то, что приказывают.

Татищев, не входя в дальнейшее рассуждение, бросился ей в ноги.

– Помилуй, матушка, государыня! Заступи и спаси. Ведь секли то не меня, а подьячего Замятина.

– Как Замятина? – спросила государыня с беспокойством.

– Так, Замятина! Я, грешник, вместо себя подвел его.

– Что ты это наделал! Ведь нельзя, чтоб государь твоего обмана не узнал, он тебя засечет.

– О том-то я тебя и молю, всемилостивейшая государыня! Вступишь за меня и отврати гнев его.

– Да как это случилось?

– Ведь под батошьем-то ложиться не весело, – отвечал Татищев, стоя на коленях, и рассказал всё, как было.

Государыня, пожурия его, обещалась похлопотать. К счастью, государь приехал с работ очень веселый. За обедом Екатерина заговорила о Татищеве и просила простить его.

– Дело уже кончено. Он наказан и гневу моему конец, – сказал Петр.

Надо заметить, что если Петр Великий говорил кому-нибудь: "Бог тебя простит", – то этим уже всё забывалось, будто ничего и не было. Этих-то слов и добивалась государыня.

Немного погодя, она опять попросила, чтобы государь не гневался более на Татищева. Петр промолчал.

Она в третий раз заговорила о том же.

– Да отвяжись, пожалуйста, от меня! – сказал, наконец, царь. – Ну, Бог его простит.

Едва были произнесены эти слова, как Татищев уже обнимал колени Петру, который подтвердил свое прощение. Тогда Татищев признался, что сечен был не он, а Замятин, и в заключение прибавил:

– И ничто ему, подьячему-крючку.

Шутка эта, однако, не понравилась государю.

– Я тебе покажу, как надобно поступать с такими плутами, как ты! – сказал он, берясь за дубинку. Но тут Екатерина напомнила, что он уже именем Божиим простил виновного.

– Ну, быть так, – сказал государь, останавливаясь, и приказал рассказать, как было дело. Татищев чистосердечно не утаивая ничего, все рассказал. Призвали Замятина, и он подтвердил, что это правда.

– Ну, брат, – сказал государь, – прости меня, пожалуйста! Мне тебя очень жаль, а что делать? Пеняй на плута Татищева. Однако ж, я сего не забуду и зачту побои тебе вперед.

Впоследствии Петру Великому пришлось сдержать свое слово. Замятин попался в каком-то преступлении, за которое следовало жестокое наказание; но царь решил так, что де подсудимый и заслуживает казни, но так как он некогда понес наказание, то и заменить ему оное за нынешнее преступление.

* * *

Петр Великий, имея от роду всего 10 лет, составил в Москве из дворян регулярную роту, названную им потешною, в которой сам служил несколько времени барабанщиком, а потом, 12-ти лет, простым солдатом. После этих первых воинских упражнений, кораблестроение и мореплавание сделались любимым занятием Петра Великого. Неутомимый монарх служил во флоте как и в строевых сухопутных полках, наряду со своими подданными, начиная с низких степеней, дошел в морской службе до звания контр-адмирала. Раз очистилось при флоте вице-адмиральское место, на которое подлежало кого-нибудь произвести. Контр-адмирал Петр Алексеевич подал в адмиралтейскую коллегия просьбу, в которой описал свою прежнюю службу и просил назначения на освободившееся место. Коллегия, по внимательном рассмотрении дела, отдала свободную вакансию другому контр-адмиралу, который более Петра Алексеевича служил и более имел случаев отличиться. Петр Великий к этому поступку отнесся так:

– Члены коллегии судили справедливо и поступили, как должно. Если бы они были так подлы, что из искательства предпочли бы меня моему товарищу, то не остались бы без наказания.

* * *

Князь Федор Юрьевич Ромодановский, известный под названием Князя-Кесаря, заведывал Преображенским приказом. При своей страшной жестокости, изумлявшей самого Петра, этот человек был набожен и почитал Николая угодника. Раз, накануне Николина дня, один колодник, содержащийся в приказе за убийство, объявил, что имеет сообщить князю нечто

очень важное. Ромодановский велел привести к себе арестанта. Тот бросился в ноги и стал просить, чтобы его отпустили в деревню к родным – провести с ними последний раз праздник и проститься, так как, вероятно, его скоро казнят. Кесарь был озадачен такою неслыханною дерзостью.

– Да как ты смеешь просить об этом, злодей! – закричал, наконец, князь, придя в себя от изумления.

– Помилуй, отец мой! Святой Никола-чудотворец воздаст тебе за это сторицею.

– Кто же будет за тебя порукою? – спросил уже смягчившись, князь Ромодановский.

– Сам святой угодник. Он не попустит мне солгать, – Начальник приказа задумался, потом заставил разбойника поклясться в том, что он непременно вернется, и затем отпустил его в деревню, которая находилась где-то недалеко от Москвы.

Враги князя тотчас же донесли об этом государю. Петр приехал к его кесарскому величеству и спрашивает:

– Правда ли, что ты отпустил разбойника?

– Отпустил, но только на пять дней, чтобы он простился с родными.

– Да как же ты мог это сделать и поверить злодею, что он вернется?

– Он дал мне в том порукою великого угодника Божия, который не попустит ему солгать.

– Но когда он мог убить человека, то что стоит ему солгать святому, и тем более, что он уличен в убийстве и знает, что будет казнен.

Но князь стоял на своем.

– Ну, дядя, смотри, чтоб не отвечать за него тебе, если он не будет в срок, – сказал государь.

В назначенный день преступник явился в приказ, благодарил князя и сказал, что теперь готов с радостью принять заслуженную казнь.

Обрадованный князь поехал к государю и доложил об этом. Петр удивился и потребовал к себе арестанта.

– Знаешь ли ты, что за убийство, совершенное тобою, ты должен быть казнен?

– Ведаю, надёжа-царь.

– Как же, ведая, возвратился ты на верную смерть?

– Я дал в том порукою св. чудотворца Николая. К тому же я заслужил смертную казнь и приготовился к ней покаянием. Да если б я и вздумал бежать, то св. Николай не попустил бы мне того, и я рано или поздно был бы пойман и еще большую потерпел бы муку.

Петр всегда оказывал снисхождение, когда видел чистосердечное раскаяние, и прощал всех, кроме убийц; но на этот раз он так был тронут, что приказал заменить смертную казнь для этого преступника солдатскою службою в одном из сибирских полков.

* * *

Когда у Петра I родился сын, обрадованный государь немедленно послал своего генерал-адъютанта в крепость к обер-коменданту с приказанием возвестить народу эту радость пушечными выстрелами. Но так как перед тем отдан был приказ не пускать в крепость никого после пробития вечерней зори, то часовой, из новобранцев, остановил генерал-адъютанта.

– Поди прочь! Не велено никого пускать.

– Меня царь послал за важным делом.

– Я этого не знаю, а знаю только одно, что не велено мне никого пускать, и я тебя застрелю, ежели не отойдешь.

Нечего было делать: генерал-адъютант вернулся и доложил Петру.

Тот сам, как был в простом кафтане, без всяких отличий, идет в крепость и говорит солдату:

– Господин часовой, пусти меня.
– Не пущу.
– Я тебя прошу.
– Не пущу.
– Я приказываю.
– А я не слушаю.
– Да знаешь ли ты меня?
– Нет.
– Я государь твой!
– Не знаю, а я знаю то одно, что он же приказал никого не пускать.
– Да мне нужда есть.
– Ничего я слышать не хочу.
– Бог даровал мне сына, и я спешу обрадовать народ пушечными выстрелами.
– Наследника? Полно, правда ли?
– Правда, правда!
– А когда так, что за нужда: пусть хоть расстреляют меня завтра! Поди и сегодня же обрадуй народ сею вестью.

Государь приказывает коменданту сто одним выстрелом известить столицу о рождении сына; затем спешит в собор, где, при звоне колоколов, благодарит Бога за милость, а солдата жалует сержантом и десятью рублями.

* * *

Государь, точа человеческую фигуру на токарной машине, и будучи весел, что работа удачно идет, спросил механика своего Нартова:

– Каково точу я?
– Хорошо, – отвечал Нартов.
– Таково-то, Андрей! Кости точу я долотом изрядно, а не могу обточить дубиной упрямецев.

* * *

Подле Гапсалья¹ случилась одна очень характерная собственноручная расправа Петра Великого. 22 июня 1715 г. прибыл Петр I на галерах в Гапсаль и, осмотрев город, через Линден и Падис направился в Ревель. По пути объявил он дворянину Рамму, что будет обедать у него; дворянин ответил, что не желает этого посещения, но государь тем не менее прибыл к нему, собственноручно наказал его своею тростью и очень вкусно пообедал.

За едой и питьем царь очаровал приглашенного им к столу побитого хозяина, очаровал настолько, что при прощании Рамм просил подарить ему бившую его царскую трость.

Говорят, что вещественный документ этот и по сегодня хранится у потомков Рамма.

* * *

Петр Великий весьма любил и жаловал Ивана Михайловича Головина и послал его в Венецию учиться кораблестроению и итальянскому языку. Головин жил в Италии четыре года.

¹ Упсала, Упсала (швед. Uppsala, [ʊpˈsɑːla]) – старинный город в Швеции, административный центр одноимённых лена и коммуны. Расположен в исторической провинции Уппланд в 70 км к северу от Стокгольма. В конце Великой Северной войны здесь появлялись русские десанты.

По возвращении оттуда, Петр Великий, желая знать, чему выучился Головин, взял его с собою в адмиралтейство, повел его на корабельное строение и в мастерские и задавал ему вопросы. Оказалось, что Головин ничего не знает. Наконец, государь спросил:

– Выучился ли хотя по-итальянски? – Головин признался, что и этого сделал очень мало.

– Так что же ты делал?

– Всемиловнейший государь! Я курил табак, пил вино, веселился, учился играть на басу и редко выходил со двора. – Как ни вспыльчив был государь, но такая откровенность очень ему понравилась. Он дал ленивцу прозвище князя-баса и велел нарисовать его на картине сидящим за столом с трубкою в зубах, окруженного музыкальными инструментами, а под столом валяются металлические приборы. Петр Великий любил Головина за прямодушие, верность и ум и в шутку всегда называл его ученым человеком, знатоком корабельного искусства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.